

УДК 343.2/7

М.В. Бавсун, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права Омской академии МВД России

ПРЕДЕЛЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ПРЕСТУПНОСТЬ

Поднимается проблема определения максимальных пределов воздействия на преступность средствами уголовно-правового характера. Обращается внимание на необходимость их расширения, что, по мнению автора, возможно за счет формулирования в уголовном законе идеологических начал, а также разработки комплекса антропологических мер, обеспечивающих устранение причин и условий совершения лицом новых преступлений.

The problem is the determination of the maximum exposure limits for crime by criminal-law measures. In particular, attention is drawn to the need to expand that, according to the author, possibly at the expense of, the formulation in the criminal law of ideological began, as well as the development of a set of measures to ensure the elimination of anthropological reasons and conditions of new crimes.

Уголовно-правовое воздействие в современной юридической науке в основном рассматривается с позиции наказания или уголовной ответственности. Между тем содержание наказания составляет кара, они тождественны между собой, в то время как воздействие на преступность включает в себя не только карательный элемент. В ходе уголовно-правового принуждения не всегда присутствует и порицание (уголовная ответственность), которого может не быть в силу целого ряда вполне объективных причин. Более того, представление о внешних границах рассматриваемого явления лишь с позиции уголовного наказания или ответственности практически полностью исключает возможность общей превенции, эффективность которой не может напрямую зависеть лишь от репрессивного элемента. Кара в данном случае, как и уголовная ответственность, носит весьма условный характер, выступая в качестве заведомой угрозы их реализации за будущее общественно опасное поведение. Следовательно, отождествление уголовно-правового воздействия с рассматриваемыми категориями значительно обедняет его содержание, сужая при этом и границы деятельности государства по борьбе с преступностью.

Воздействие – далеко не только наказание или иные меры, обеспечивающие предупреждение совершения новых преступлений. Помимо наказания и иных мер рассматриваемое явление необходимо оценивать с позиции уголовно-правового воспитания, уголовно-правовой идеологии, направленных на формирование в обществе должного уровня правосознания, не допускающего общественно опасного поведения, что значительно шире не только наказания, но и уголовной ответственности.

Более того, идеологические начала уголовного закона способны играть значительно большую роль для общей превенции за счет способности оказывать существенное влияние на общественную психологию. Представляется, что именно уголовно-правовая идеология, а не репрессия выступает в качестве внешних пределов воздействия на преступность. Во многом это обусловлено тем, что положительная динамика в борьбе с преступностью становится реальной лишь в том случае, когда общество оказывается готовым воспринимать его в том виде и объеме, в котором оно реализуется государством. Совокупность идей определенного рода, имеющих своей целью формирование в обществе основ правовой психологии, реализацию правового воспитания, а также создание первоначальных базовых ценностей, должны обеспечивать восприятие предписаний уголовного закона через их призму. В целом, говоря об уголовно-правовой идеологии как об относительно самостоятельном явлении, необходимо отметить, что ее основное предназначение, по сути, сводится к решению двух первоочередных задач. Первая из них заключается в создании в обществе стойкого неприятия, недопустимости (в том числе в виде активного противодействия) любого противоправного, а в особенности преступного поведения. Вторая – должна находить свое выражение в формировании общего благоприятного фона, отношения со стороны субъектов складывающихся правоотношений непосредственно

венно к самой репрессии, того ее вида и объема, которые будут достаточными для поддержания в обществе должного уровня правопорядка. При этом решение каждой задачи является обязательным условием повышения эффективности противодействия преступности. Речь в данном случае идет именно о качественном скачке такой деятельности государства и его органов, которая должна строиться не только и не столько на карательном потенциале конкретных мер воздействия на лиц, совершивших преступление, а в большей мере основываться на высоком уровне правовой культуры и правосознания, полученных в том числе и за счет уголовно-правовой идеологии.

Отсюда следует, что пределы уголовно-правового воздействия значительно шире того перечня средств государственного принуждения, которые определены в тексте действующего УК РФ. Причем речь в данном случае необходимо вести о явлении, выходящем далеко за пределы специального предупреждения преступлений. Говорить нужно об участии уголовно-правового воздействия в формировании в общественном сознании идеи нетерпимости преступного поведения со стороны окружающих (в том числе путем активного противодействия) и тем более невозможности совершения преступлений самими, что представляет собой основную цель уголовно-правовой идеологии и устанавливает пределы действия рассматриваемого явления.

В целом правовая идеология представляет собой некоторую систему идей (концепций, теорий, доктрин) о праве и правовом развитии, способствующих созданию стандартных (типичных) оценок и правовых ценностей, а также выработке определенных правовых установок у носителей правового сознания [9, с. 133], способствующих при этом закреплению или изменению существующих общественных отношений [14]. Формирование и распространение таких идей применительно к уголовно-правовому воздействию имеет не меньшее значение, чем их формирование и распространение в рамках других отраслей права, и играет существенную роль в создании предпосылок к доминированию правомерного поведения в обществе. В такой ситуации ключевую роль начинают приобретать не сами виды воздействия, обеспечивающие специальную превенцию, а интенсивность их применения или угроза реализации каждого из них. В значительно большей мере на состояние преступности оказывает влияние отношение каждого индивидуума к уголовному закону и тем средствам принуждения, которые в нем содержатся. Важно общее представление о репрессии, степени ее достаточности и допустимости в современном обществе, т. е. как о явлении совершенно необходимом для поддержания правопорядка и его существованию именно в таком, а не в ином виде. В этом проявляется общественная психология, представляющая вполне реальное явление духовной жизни общества, недооценка которого непозволительна в процессе реализации государственной и уголовной политики [14, с. 53].

Выражение внутреннего согласия с содержанием уголовно-правового воздействия обеспечивается за счет распространения на государственном уровне генеральных идей. В свою очередь, отсутствие или недостаток должного понимания возможно на генетическом уровне, каким бы ни было качественное воздействие и по технике своего изложения в законе и по своей практической реализации, неизбежно будет снижать эффективность его конечного результата. В случае возникающего дисбаланса между общественным правосознанием и теми концептуальными основами, которые начинают доминировать в нормах уголовного закона, неизбежно снижается эффективность их практической реализации. Ситуация подобного рода изначально влечет за собой постановку ложных целей уголовно-правового воздействия, выбор сообразно этим целям неверных средств и соответственно достижение таких же результатов или их отсутствие.

А.И. Александров по этому поводу совершенно справедливо отмечает, что «усилия общества и государства должны быть направлены на формирование системы мер действенной социальной профилактики и на воспитание законопослушных граждан, для чего необходима государственно-правовая идеология» [1, с. 374]. В свою очередь, формирование правовой идеологии в определенной мере должно быть наполнено и уголовно-правовым содержанием, без которого невозможно воспитание общества в духе недопустимости общественно опасного поведения, как невозможно и специально-предупредительное воздействие на тех, кто уже совершил преступление.

Говоря о специальной превенции, необходимо отметить, что пределы данного направления деятельности государства сегодня также до конца не определены. Во многом это обусловлено стабильным расширением существующих границ уголовно-правового воздействия за

счет увеличения в его системе количества мер некарательного характера. Доминирование данной идеи, идеи некарательного воздействия, в большинстве западных стран повлекло за собой трансформацию самого подхода к решению задачи исправления лица, совершившего преступление, которая уже сейчас не всегда положительно оценивается западноевропейскими специалистами в области криминологии и уголовного права [6, с. 28–29]. Между тем следует констатировать тот факт, что созданная система противодействия преступности в законодательствах ряда стран нередко находится за рамками карательного воздействия на виновного, делая ее в ряде случаев более гибкой и эффективной.

В частности, речь идет о мерах безопасности или наказаниях с крайне низким уровнем репрессии. Так, в США в рамках уголовно-правовых отношений регламентируются меры воздействия по отношению к так называемым «дефективным правонарушителям», склонным к совершению насильственных половых преступлений. Соответствующие законы, в рамках которых регламентируется ответственность «сексуальных психопатов», действуют в целом ряде штатов. При этом в них определяется статус лиц, страдающих какими-либо психическими расстройствами, не исключающими их вменяемости, воздействие на которых должно осуществляться на основании неопределенных приговоров [7, с. 141–142].

Меры воздействия, реализуемые в отношении таких лиц, как правило, не содержат в себе элементов кары. Применительно к данному случаю можно говорить о кастрации, применяемой к виновным, совершившим насильственные сексуальные преступления. Нет сомнений, что использование столь неоднозначного по общественному восприятию способа воздействия на лиц, совершивших преступления на сексуальной почве, не носит на себе собственно карательной нагрузки. Вряд ли здесь можно вести речь и об исправлении лица. Значительно большую роль в этом случае играет желание общества и государства обезопасить себя от дальнейших проявлений подобного рода, что, кстати, находит соответствующее подтверждение и в мерах, сопутствующих кастрации. Все они направлены на обеспечение безопасности общества, т. е. одной из целей воздействия, что позволяет вести речь об уголовно-правовой природе их происхождения. Доминирующая в обществе цель обеспечения безопасности определяет и пределы уголовно-правового воздействия, значительно их при этом расширяя.

Схожим образом ситуация выглядит и в странах с континентальной системой права.

Сегодня принцип, основу которого составляет более упрощенный подход и широкое отношение к мерам воздействия, лежит в основе правовых систем большинства европейских государств и особенно ярко выражен в уголовно-правовых доктринах, а также законодательствах ФРГ, Австрии и Швейцарии. По утверждению Н.Ф. Кузнецовой, «западногерманские правоведы считают, что отныне в ФРГ действует не традиционное уголовное право или Уголовный кодекс, а уголовное право и право безопасности. Они же делают прогноз, что в перспективе западногерманское уголовное право все меньше будет уголовным правом и все больше – правом безопасности» [8, с. 126].

Характерно, что данный процесс оказался типичным практически для всей континентальной правовой системы, затронув не только немецкое, но и уголовное законодательство Франции. Уголовный кодекс этой страны, несмотря на произошедший в 1986 г. официальный отказ «от дуалистичной системы уголовно-правовых санкций, включавшей наряду с наказаниями меры безопасности» [12], по-прежнему содержит способы воздействия, не являющиеся наказанием. «Так, в случае невменяемости и недостижения установленного в законе возраста, хотя уголовное преследование и прекращается, следственные и юрисдикционные органы могут признать лицо представляющим опасность для общества и применить к нему какие-либо меры, не являющиеся наказанием: для малолетнего – меры воспитательного характера, для психически больного – меры медицинского характера» [5, с. 54]. Во многом подобный подход французского законодателя обусловлен развитием уголовно-правовой доктрины. В связи с тем, что ряд французских юристов в дуализме видят наилучший способ преодолеть крайности других систем [8, с. 127], развитие уголовного законодательства в части правовой регламентации мер воздействия идет по пути стирания граней между собственно санкциями, мерами безопасности и иными мерами [10, с. 82].

Все они представляют собой взаимосвязанную совокупность элементов совершенно необходимых для эффективного противодействия преступности. Главное, чтобы каждая из составляющих системы приносила требуемый результат, была эффективна с позиции достижения

целей уголовно-правового воздействия. Эта идея в разные периоды развития континентального законодательства находила и продолжает находить свое проявление практически во всех национальных уголовных кодексах стран Западной Европы.

Интересно, что на тенденцию расширения средств уголовно-правового реагирования на преступность еще в конце 70-х гг. XX в. указывал польский ученый И. Андреев. По его мнению, «эта тенденция в результате длительной эволюции выражается в настоящее время в попытке создать новую систему уголовно-правовых мер» [3, с. 123], к которым он относил наказание, меры безопасности, меры исправительного характера и меры общественного воздействия. О необходимости более широкого понимания уголовно-правового воздействия в 80-х гг. XX в. также писал Ю.А. Воронин, отмечавший рост на западе популярности мер безопасности, их все более частое отождествление с наказанием и постепенное включение в систему способов воздействия [4, с. 122–123]. А.С. Червоткин, полагая, что отчасти данный подход находит свое проявление в советском уголовном законодательстве, дополнительно указывал на возможность отнесения к собственно уголовно-правовому воздействию административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, либо его использования в качестве альтернативы наказанию (правоограничения при отсрочке исполнения приговора) [13, с. 157–159].

Данные работы выражали идею о фактической нецелесообразности и бесполезности реализации исключительно средств карательного воздействия на многие категории преступников (педофилов, насильников, коррупционеров и т. д.). В таких случаях, по мнению И. Анденеса, «основной целью вмешательства общества является формирование уважения к социальным нормам, а не исцеление индивидов от их асоциальных наклонностей» [2, с. 45]. Безусловно, добиться от такого воздействия формирования истинно нравственной позиции, потребности в соблюдении норм права и морали у преступника практически невозможно. Однако для уголовной юстиции второй половины XX в. оказалось очевидным, что многие лица, преступившие закон, не поддаются ни нравственному, ни юридическому исправлению. Как следствие, и формирование всей системы уголовно-правового воздействия было сориентировано не на исцеление (исправление) индивидов, а на формирование у них уважения к социальным нормам [11, с. 64]. Представленный подход повлек за собой в целом изменение отношения к самой системе конкретных мер принуждения, подчиненность которой началу целесообразности стала носить все более очевидный характер. Эта система с течением времени, что называется, подстраивалась под конечный результат, обеспечение которого традиционными средствами становилось все сложнее.

Впрочем, следует отметить, что полный уход от репрессивного воздействия пока не состоялся и вряд ли возможен в силу многих причин. Более того, рассуждая относительно эффективности уголовно-правового принуждения, Н. Кристи отмечает, что за исключением смертной казни, пожизненного лишения свободы и кастрации, нет каких-либо мер воздействия, в отношении которых удалось доказать, что они эффективнее других в предупреждении рецидива. Даже в тех немногих случаях, когда за терминологией некарательного воздействия стоят реальные вещи, не установлено снижение показателей рецидива. Далее автор указывает на значительную большую роль в этом вопросе мер экономического и социального характера (и, как представляется, идеологического), нежели собственно уголовно-правового [6, с. 31–32].

Все это позволяет заключить, что пределы воздействия на преступность на современном этапе не могут находиться в рамках одной теории. Речь должна идти о более гибком подходе, основанном на сочетании различных направлений противодействия преступности, включающем в себя не только карательные и некарательные средства, но и средства уголовно-правовой идеологии, как необходимого условия повышения эффективности применения мер специально-предупредительного воздействия.

В этой связи расширение границ уголовно-правового воздействия сегодня представляется вполне возможным и необходимым направлением развития данной сферы правового регулирования. При этом движение должно происходить в сторону, во-первых, формирования в конкретных законодательных предписаниях идеологических начал, способных оказывать позитивное влияние на общественное сознание, а также основанных на них целях, задачах и принципах. Во-вторых, максимально эффективного использования некарательного начала в воздействии на лиц, совершающих преступления. Речь идет о расширении в уголовном законодательстве представительства специально-предупредительных мер, не имеющих репрессивного

потенциала, и способных обеспечить устранение причин и условий совершения лицом новых преступлений, в том числе обусловленных исключительно физиологическими причинами. Оба направления как в отечественном УК, так и в законодательстве большинства стран постсоветского пространства представлены лишь фрагментарно. Все это позволяет сделать вывод о том, что уголовно-правовое воздействие сегодня находится в достаточно узких пределах карательного или репрессивного принуждения, практически не оказывая при этом ни должного общепредупредительного эффекта, ни собственно необходимого влияния на тех, кто уже совершил общественно опасное деяние.

Библиографические ссылки

1. Александров, А.И. Уголовная политика и уголовный процесс в Российской государственности. История, современность, перспективы, проблемы / А.И. Александров. СПб. : [б. и.], 2003.
2. Анденес, И. Наказание и предупреждение преступлений / И. Анденес. М. : [б. и.], 1979.
3. Андреев, И. Очерки по уголовному праву социалистических государств / И. Андреев. М. : [б. и.], 1978.
4. Воронин, Ю.А. Тенденции современной буржуазной уголовной политики / Ю.А. Воронин. Воронеж : [б. и.], 1984.
5. Ключанова, Т.М. Уголовное право зарубежных стран: Германия, Франция, Финляндия / Т.М. Ключанова. СПб. : [б. и.], 1996.
6. Кристи, Н. Причиняя боль. Роль наказания в уголовной политике / Н. Кристи ; под общ. ред. Я.И. Гилинского. СПб. : [б. и.], 2011.
7. Криминологические исследования в мире. М. : [б. и.], 1995.
8. Кузнецова, Н. Уголовное право ФРГ / Н. Кузнецова, Л. Вельцель. М. : [б. и.],
9. Лукашева, Е.А. Социалистическое правосознание и законность / Е.А. Лукашева. М. : [б. и.], 1973.
10. Преступление и наказание в Англии, США, Франции, ФРГ, Японии. Общая часть уголовного права. М. : [б. и.], 1991.
11. Тепляшин, П.В. Кризис «идеала реабилитации» и возрастание роли концепции «контроля»: влияние европейской пенитенциарной политики на отечественное законодательство и практику его применения / П.В. Тепляшин // Криминол. журн. 2011. № 4.
12. Уголовное право зарубежных стран. Общая часть / под ред. И.Д. Козочкина. М. : [б. и.], 2003.
13. Червоткин, А.С. Цель специального предупреждения преступлений и средства ее достижения при применении уголовного наказания / А.С. Червоткин // Актуальные вопросы борьбы с преступностью : сб. ст. Томск : [б. и.], 1989.
14. Ядов, В.А. Идеология как форма духовной деятельности общества / В.А. Ядов. Л. : [б. и.], 1961.

УДК 347.921

С.С. Бычкова, доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры гражданского права и процесса Национальной академии внутренних дел Украины

**ГРАЖДАНСКАЯ ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ПРАВОСПОСОБНОСТЬ ЛИЦ,
УЧАСТВУЮЩИХ В ДЕЛАХ ИСКОВОГО ПРОИЗВОДСТВА
(на основе анализа законодательства Украины)**

Исследуется гражданская процессуальная правоспособность лиц, участвующих в делах искового производства. В контексте гражданской процессуальной правосубъектности указанных лиц сформулировано и теоретически обосновано понятие гражданской процессуальной правоспособности; выделены ее виды, исследован объем и субъектный состав; разработаны выводы и научно-обоснованные предложения относительно оптимизации гражданского процессуального законодательства Украины.

This scientific article is dedicated to investigation of civil procedural legal capacity of people, who participate in matters of actional realization. In the context of civil procedural legal personality of mentioned people, civil procedural legal personality concept is laid down and theoretically grounded, its types are segregated, volume and subject content is investigated, conclusions and scientific-based proposals are developed regarding optimization of civil procedural legislation of Ukraine in force.

Вместе с юридическими фактами и нормами гражданского процессуального права одним из оснований возникновения гражданских процессуальных правоотношений и, следовательно, предпосылкой обретения правового статуса лица, участвующего в делах искового производства, является гражданская процессуальная правосубъектность.

Почти все ученые независимо от того, под каким углом зрения они рассматривают понятие гражданской процессуальной правосубъектности, соглашаются с тем, что эта категория состо-